

DOI 10.69571/SSPU.2024.90.3.014

УДК 94(477).081"18":323.4(091)

ББК 63.3(4Укр)53-422,8

В.Я. МАУЛЬ

**ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ ЧИГИРИНСКОГО
УЕЗДА: ИЗ ИСТОРИИ КРЕСТЬЯНСКОГО
ДВИЖЕНИЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД**

V.YA. MAUL

**LEGENDS AND TRADITIONS
OF THE CHIGIRINSKY DISTRICT:
FROM THE HISTORY OF THE PEASANT
MOVEMENT IN THE POST-REFORM PERIOD**

В статье впервые в историографии рассматриваются легенды и исторические предания о крестьянских волнениях 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии. Главные герои этих легенд показаны на фоне реальных событий народных движений пореформенного периода. Выявлена культурно-генетическая связь легенд о Фоме Прядко с героическим эпосом запорожского казачества. Продемонстрированы отличия легенд о Прядко от семейных преданий о Лазаре Тененике и Степане Шутенко.

For the first time in historiography, the article examines the legends and historical legends about the peasant unrest of the 1870s in the Chigirin district of the Kiev province. The main characters of these legends are shown against the background of real events of the popular movements of the post-reform period. The cultural and genetic connection of the legends about Thomas Pryadko with the heroic epic of the Zaporozhye Cossacks has been revealed. The differences between the legends about Pryadko and the family legends about Lazar Tenenik and Stepan Shutenko are demonstrated.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Чигиринский уезд, Киевская губерния, крестьянские волнения, пореформенный период, легенды, предания, Фома Прядко, Лазарь Тененик, Степан Шутенко.

KEY WORDS: Chigirin district, Kiev province, peasant unrest, post-reform period, legends, Thomas Pryadko, Lazar Tenenik, Stepan Shutenko.

ВВЕДЕНИЕ. Поставленная в статье проблема не предполагает последовательного нарратива о протестных событиях 1870-х гг. в Чигиринском уезде Киевской губернии, уже неплохо освещенных в историографии [19, с. 196-234; 23, с. 94-99; 26, с. 99-100; 29; 31 и др.]. Они будут только информационным фоном для предлагаемого исследования, которое ставит перед автором немало сложных задач в силу нескольких обстоятельств. Одно из них заключается в научной неразработанности понятийного аппарата исследования, посвященного изучению легенд и преданий об этих крестьянских волнениях. Проблема усугубляется тем, что оба инструментальных понятия относятся к специфической лексике устной народной прозы, которой «сопутствует характерная нечеткость терминологии», в результате чего те или иные специальные термины часто «употребляются очень произвольно» [24, с. 46]. Например, составители этнолингвистического словаря под преданием предпочитают понимать «жанр фольклорной несказочной прозы, разрабатывающий историческую тематику в ее народной трактовке. В отличие от легенд, которые ориентированы на объяснение происхождения природных и культурных явлений и их моральную оценку, сюжеты преданий связаны с историей, историческими личностями, локальной топоними-

кой» [21, с. 246]. В то же время легенды — это «повествовательные тексты религиозно-этической направленности, сформировавшиеся на основе библейских книг, апокрифов и житийной литературы» [20, с. 89].

Казалось бы, предложенные авторитетным изданием дефиниции позволяют четко разграничить между собой легенды и предания, однако достижению необходимой ясности препятствует характер их употребления в наших источниках, где легендами обычно называют то что, судя по всему, надо бы называть преданием. Поэтому во избежание путаницы есть смысл согласиться с мнением К.В. Чистова, рекомендовавшего объединить в одну группу внеэстетические фольклорные произведения — «предания, легенды, сказания, сказы, побывальщины, устные рассказы и т.п.», которые «рассказчиками и слушателями обычно не воспринимаются как произведения художественные. Они служат практической цели передачи исторических, политических, космогонических, религиозных, бытовых или иных сведений или новостей» [24, с. 47]. Тогда получается, что легенды и предания при всех тонкостях их смысловых различий могут рассматриваться как явления одного семантического ряда, что, к тому же, вполне соответствует практике их упоминаний в анализируемых исторических документах.

В виде устных текстов легенды и предания хранились в памяти знающих людей и через их рассказы сообщались слушателям — собирателям фольклора, каковых было немало во второй половине XIX в. (А.Н. Афанасьев, А.Ф. Гильфердинг, В.И. Даль, А.Н. Минх и др.). Непосредственно же в народной среде легенды и предания передавались из уст в уста с помощью слухов. По оценке А.К. Егорова, слух — «сугубо субъективное явление. То, что называется обычно слухом, на деле есть некое сообщение на определенную тему, которое по тем или иным причинам вычленяется наблюдателем из речевого потока» [10, с. 8]. В традиционной культуре слухи выполняли «значимую коммуникативную функцию, информируя население о современных или недавно происшедших событиях». Существенно то, считает И.В. Побережников, «что почти всегда слух включал момент интерпретации, объяснения явления — таким образом он обеспечивал адаптацию полученной информации к существующим запросам, ожиданиям» [18, с. 169–170, 177], а, значит, приобретал аксиологическую окраску. Более того, как это было и в Чигиринском уезде, в процессе «многоэтапной устной передачи события не только обрастали вымышленными подробностями, но нередко и кардинально меняли свой характер — в зависимости от представлений, симпатий и чаяний той среды, в которой распространялись слухи» [4, с. 209]. В контексте статьи очень важно, что «единицами слуха (слухообразующими элементами, модулями) являются экстраординарные события и герои. Личность героя (она часто отмечает и окрашивает собой и значимость события) определяется его статусом — явным или скрытым и особыми способностями (опять-таки скрытыми или явными)» [9, с. 78].

Таким образом, в нашем исследовании, обращенном к ментальной истории чигиринских волнений, будут сопрягаться в едином регистре несколько трудноверифицируемых с научной точки зрения социально-психологические феномены: «легенды», «предания», «рассказы», «слухи», «герои». Такая познавательная установка дает возможность увидеть перипетии крестьянской борьбы в Чигиринском уезде не какой она была «на самом деле», а как выглядела в глазах современников и участников. Если первое уже неплохо изучено исторической наукой, то второе предстоит начинать едва ли не с чистого листа. Иными словами объективная картина волнений будет показана на основе совокупного множества субъективных реакций сельских обывателей, запечатленных и сохраненных в виде устных легенд и преданий.

Как известно, чигиринские волнения 1870-х гг. стали ответом землепашцев на проводимую в казенной деревне аграрную реформу, объявленную царским указом от 16 мая 1867 г. и определившую правила поземельного устройства государственных крестьян в девяти западных губерниях, включая Правобережную Украину [13, с. 56–68; 15, с. 51–61].

Продолжавшиеся почти целое десятилетие по нарастающей (от пассивного протеста до появления самозванцев, тайного заговора и подготовки бунта), крестьянские беспорядки были связаны с лавиной слухов и толков, породивших особую эмоционально-взвинченную атмосферу в уездных селах и деревнях. Изучение важнейших компонентов этой атмосферы (легенд и преданий) позволит глубже проникнуть в мир массовых народных представлений жителей протестующего Чигиринского уезда.

ЦЕЛЬ статьи — выявить и изучить легенды и предания о крестьянских вожаках чигиринских волнений, складывавшиеся по горячим следам или передававшиеся в поколениях, что позволит на конкретных примерах реконструировать особенности народного восприятия и оценки продолжительной пореформенной борьбы селян за восстановление социальной Правды, которая становилась для них главным ориентиром.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ. Помимо архивных документов [1; 2; 3] источниковую базу исследования составили опубликованные материалы центрального и местного делопроизводства [30], мемуары революционеров-народников (В.К. Дебогорий-Мокриевич, Л.Г. Дейч, Я.В. Стефанович), непосредственно причастных к тем громким событиям [5; 6; 7; 25; 27], а также воспоминания потомков чигиринских крестьян (Н.Н. Орленко, Р. де Хэвиллан, М.Г. Шутенко) о деяниях своих предков, записанные местными краеведами [32] или сообщенные лично автору статьи. В качестве методологической основы на вооружение взята концепция деконструкции, восходящая к работам М.Хайдеггера, Ж.Деррида, А.Манслоу и др. Она исходит из отказа от рациональных попыток логоцентристского подхода к традиционному обществу (декларирующего превосходство настоящего над прошлым) с тем, чтобы обнаружить значение глубинных социокультурных символов и смыслов, скрытых в изучаемых текстах народных легенд и преданий Чигиринского уезда. Данная концепция органично реализуется через сравнительно-исторический и культурно-антропологический анализ с применением принципов микроистории, формируя, таким образом, систему методологического синтеза как познавательного инструментария нашего научного исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ. Героями интересующих нас фольклорных сюжетов, о которых удалось собрать соответствующую информацию, стали три активных участника чигиринских волнений 1870-х гг.: Фома Денисович Прядко, Лазарь Абрамович Тененик и Степан Карпович Шутенко. В те годы во многом случайно народная стихия вознесла на высокий пьедестал отдельных «маленьких» людей, которым в спокойные времена суждено было оставаться в тени великих событий. Теперь же, ненадолго оказавшись властителями крестьянских дум, они сыграли заметную, хотя не одинаковую роль в истории, по-разному сложились их судьбы. Различие можно найти и в том, что метаморфозы жизненного пути Л.А. Тененика с С.К. Шутенко были переосмыслены в более поздних семейных преданиях, по сей день сохраняясь в памяти благодарных потомков. В то время как о Ф.Д. Прядко изошренные саги сочинялись уже земляками-современниками: «несмотря на то, что деятельность этого человека с ее финалом — арестом — имела место всего несколько месяцев назад, об этой деятельности, равно как и о самой личности агитатора, успели уже сложиться совершенно легендарные представления» [5, с. 214]. Двое названных персонажей за последние несколько лет стали объектами научных изысканий [12, с. 251-258; 14, с. 7-17; 16, с. 1321-1334], фигура же третьего из них — Ф.Д. Прядко до сих пор, по сути, обделена полноценным историографическим вниманием [19, с. 207-208, 212-213, 217; 22, с. 191-193; 23, с. 96-98]. Да и биография его изобилует противоречивыми сведениями, что, впрочем, вполне обычно для носителей низовой устной культуры, главным образом, нестыковки касаются указаний на место рождения и возраст.

К сожалению, авторы записей о похождениях Ф.Д. Прядко скептически отнеслись к услышанным народным поверьям и, как было им свойственно, не смогли или не захотели адекватно понять характер крестьянских настроений. Инициатор «Чигиринского заговора» «царский комиссар» Я.В. Стефанович, квалифицируя борьбу крестьян как «тупой протест»,

критически заметил, что легенды о Ф.Д. Прядко «далеко не соответствуют личным его качествам, как пришлось мне убедиться в тюрьме» [25, с. 146, 142], наивно забыв, что подобное несоответствие имманентно любому народному эпосу. По высокомерным словам еще одного самозваного «комиссара» Л.Г. Дейча, «этой чепухе, как и многим таким же нелепцам, что рассказывали разные прохожие люди, бедные душевики верили и, бродя по селам и хуторам, живя с милостыни, упорно отказывались подписывать акты» люстрационных комиссий о порядке наделения крестьян землей и повинностями [27, с. 18]. В приведенной оценке отразилась вся глубина цивилизационной пропасти, лежавшей между революционными деятелями и пропагандируемым ими крестьянским населением, жизнь которого они легкомысленно рассчитывали переустроить в соответствии с заветами своих идейных учителей.

Выясняя причины появления чигиринских легенд и сказаний, надо заметить, что на Правобережье для них была подготовлена благодатная социокультурная почва. По удачному выражению одного из историков, в течение многих веков Чигиринщина была «кратером вулкана повстанчества» [31], и боевой дух предков — вольных запорожцев, с помощью песен и преданий передаваясь из поколения в поколение, не только сохранился до изучаемого времени, но и прямо влиял на поведенческие реакции потомков. Каковое обстоятельство не прошло мимо губернских властей, искавших разгадку десятилетнего пореформенного неповиновения чигиринцев. По признанию начальника Киевского ГЖУ А.С. Павлова, здесь все еще живы «в народной памяти предания о Гайдаматчине и Запорожской вольнице», а у жителей уезда сохраняются «вкусы, унаследованные ими от предков» [2, л. 234]. Киевский губернатор Н.Н. Гессе целиком и полностью подтверждал столь красноречивую репутацию: «Потомки некогда выходцев из-за Днепра, принадлежавших к казачьему сословию, они сохранили буйный оттенок в своем характере, мало уважительны, смелы в ответах и до крайности упорны» [30, с. 80].

В такой ментальной эстафете времен не было ничего случайного. Согласно выводам исследователей, общественное сознание малороссов «подкреплялось преданиями о борьбе их дедов и прадедов против крепостнического угнетения, о казачестве и Гайдаматчине». Сложившийся исстари героический эпос позволял чигиринцам транслировать добрую память «о Нечае, Бондаренко, Морозенко и других народных героях Хмельнитчины» [28, с. 135, 136], равно как о вожаках Колиивщины Максиме Зализняке, Иване Гонте, да Семене Неживии [33, с. 513-527], об «украинском Робин Гуде» Устиме Кармалюке [11] и прочих заступниках за сирых и убогих. О.О. Крижановская пишет: «Олицетворением социальной справедливости малоимущие крестьяне считали того, кто, подобно идеализированному ими Устиму Кармалюку, отбирал имущество у богатых и раздавал его бедным. Такая реализация уравнилельных идей казалась многим крестьянам богоугодным делом» [28, с. 135], и теперь бралась на вооружение в повседневной борьбе, в соответствии с традицией создавая образы уже собственных героев и красочные легенды о самых заметных среди них. Надо понимать, что сюжеты общеукраинского фольклора особенно близки были населению Чигиринского уезда, поскольку именно на его территории разворачивалось большинство воспеваемых событий. Так, Богдан Хмельницкий, М. Зализняк, С. Неживий были уроженцами чигиринских сел, город Чигирин в XVII в. на какое-то время стал гетманской столицей, Колиивщина зародилась в местном Свято-Троицком Мотронинском монастыре и т.д.

Естественным продолжателем славных дел негласно был признан Ф.Д. Прядко, рассказчик «не иначе называл его, как "святым" и передавал о нем самые странные вещи» [5, с. 214]. С его биографией историки знакомы лишь отчасти, полагают, что он родился около 1842 г. в селе Сагуновка Ломоватской волости Черкасского уезда Киевской губернии, хотя иной раз ошибочно указывают на село Шабельники в соседнем Чигиринском уезде. С первых дней вместе с частью земляков он в штыки воспринял проводимую аграрную реформу, считая ее условия невыгодными для малоимущей бедноты. «Грамотный, благоче-

стивый, толковый мужик, он энергично отстаивал интересы обиженных и приобрел среди них значительную популярность» [7, с. 12]. Во время волнений первой половины 1870-х гг. являлся одним из главных разносчиков оптимистических слухов о солидарности государя-императора с требованиями душевого передела земли. Оказался в числе семи ходоков, делегированных крестьянами в Петербург с целью получения царской поддержки, но в отличие от сотоварищей, избежал ареста и продолжил агитацию среди жителей непокорного уезда [19, с. 207-208, 212-213, 217; 22, с. 191-193; 23, с. 96-98]. Я.В. Стефанович и здесь не удержался от язвительного комментария относительно собранных для ходатаев денег, намеренно подчеркнув, что «знаменитый Прядко далеко не безкорыстно хлопотал по мирскому делу» [25, с. 149]. Далее он «скрывался у своих сторонников, и как бы его ни разыскивала сельская и другая власть, долго она не могла его поймать <...> Переходя из хаты в хату, Хома Прядка своими рассказами поддерживал в единомышленниках упрямство, непреклонность, готовность терпеть любые муки за правое дело» [27, с. 18].

Дошедшие до нас легенды о Ф.Д. Прядко одновременно похожи и не похожи на преданья старины глубокой. Как и там, Фома выступает в качестве последовательного народного заступника, стоит на страже интересов простолюдинов, подобных ему самому. По терминологии официальных властей, являлся «известным подстрекателем» [30, с. 49]. Легенда не приписывает Ф.Д. Прядко таинственного высокого происхождения, как иной раз бывало прежде. В отличие от героических предшественников он защищает крестьянские интересы не с оружием в руках или при помощи ватаги верных «работничков», а своими мирными делами: спорами с губернатором на сельском сходе, ежедневными увещаниями односельчан в справедливости душевого наделения землей, готовностью ходатайствовать об их осуществлении. Доказательство тому он черпал в апелляции к венценосному авторитету, уверяя слушателей, «что их желания и царева воля одно и то же» [25, с. 143]. И в этом аргументе заложено принципиальное расхождение с традиционными сюжетами. Ни М.Зализняк с И.Гонтой, ни У.Кармалюк не ищут высочайшего покровительства, действуют самостоятельно, пусть даже иной раз в поисках союзников против «ляшков-панков» готовы отдаться под руку российской короны. Для Ф.Д. Прядко же мерилom праведности чигиринского непокорства всегда являлась поддержка царя или его родни. Полицейский исправник М.В. Панкевич докладывал о дошедших до него слухах, что «Прядка отправился на Кавказ с намерением подать прошение великому князю Михаилу Николаевичу, если же это не удастся и там, то к Семену (1 сентября) он должен быть обратно, чтобы подать прошение государю в Елисаветграде» [30, с. 161]. В другом варианте легенды речь шла о протекции перед царем со стороны принца Ольденбургского [23, с. 96].

Помимо прочего рассказчики неизменно подчеркивали наличие у Ф.Д. Прядко особого дара, позволявшего каждый раз ускользать от преследователей: «О, его очень долго не могли поймать! Сколько раз было так, что уже и хату окружают со всех сторон, а все таки его не поймают. Один раз "актовики" подсмотрели, где он ночевал; подошли тихонько к хате, видят через окно, в хате светится и сам Хома сидит за столом и читает Евангелие... Он все, бывало, читает Евангелие... Обступили со всех сторон хату и стучат в дверь, чтобы им отворить. Как застучали в дверь, так в хате свет и погас; и что там в хате после того делалось — никто не видел. Только входят "актовики" в хату, засветили; искали, искали, да так и ушли ни с чем; не нашли Хома» [5, с. 216].

Стоит ли удивляться, что среди чигиринцев о нем «составились легенды, как о лице, обладающем сверх-естественной силой и способностями», «его считали чуть ли не чародеем» [7, с. 13; 27, с. 18]. Своей неуязвимостью Ф.Д. Прядко на первый взгляд напоминает «благородных» разбойников русского фольклора, назубок знавших специальные заговоры, благодаря которым кандалы соскальзывали с рук и ног. «Многие разбойники прежних времен вкладывали под ноготь листок спрыг-травы и не трогали его до тех пор, пока он сам "не испарится". Вор, обладатель спрыг-травы, подносит палец к замку, и он тотчас же спры-

гивает (отпирается)». Некий атаман-оборотень Голев «нередко из-под носа своих преследователей улетал в виде птицы — ясного сокола» [17, с. 80–82, 78]. Ничего подобного нет в легендах о чигиринском герое, поэтому поверхностным сходством сравнение и ограничивается. Принципиальное же различие состоит в том, что персонажи разбойничьего эпоса своими способностями обязаны нечистой силе, слывят колдунами и чернокнижниками. Между тем, Ф.Д. Прядко рисуется истинно верующим человеком, продолжателем подвигов славных запорожцев, так же как он считавших, что сила в Правде, а потому, как бывало в годы Колиивщины, «казаки и крестьяне заставляли католиков, униатов и иудеев силой перекрещиваться» в православную веру [33, с. 522]. Вот и Фома в свободное время постоянно «читает Евангелие» и умеет избегать неудач по очень веской причине: «Так уж ему бог дал!» [5, с. 216].

Репутация ревнителя религиозной «картины мира» объясняет, почему в осуществлении народных чаяний Ф.Д. Прядко уповал на царя — помазанника Божьего на земле, встречи с которым добивался, ни на минуту не сомневаясь в его поддержке. Из записей легенд известно, что вождевленное свидание считалось состоявшимся, и «ему царь, мол, обещал удовлетворить их жалобы и сурово наказать виновных. В подтверждение своих слов, царь будто бы на небольшом клочке бумаги написал что-то, разорвал этот клочок пополам и передал одну половинку Хоме Прядке, а вторую оставил себе. Суть этого поступка, надо думать, заключалась в том, что со временем, когда крестьяне добьются того, чего желают, Хома снова увидится с царем, а тот сложит свою половинку с Хоминой, чтобы убедиться, сохранил ли он царскую записку» [27, с. 18]. Несколько иначе трактует данный легендарный эпизод народник В.К. Дебогорий-Мокриевич в более поздней версии своих мемуаров. Ему также рассказывали, как «Хома ходил к царю и с ним говорил о нуждах чигиринцев. Царь обещал свою помощь. Для знака царь написал какую-то записку и, разорвав ее на-двое, одну половину вручил Хоме, а другую оставил у себя. С этой-то половиной царской записки Прядко ходил всюду и агитировал. На мой вопрос, видел ли он, рассказчик, эту записку, чигиринец ответил, что ему не довелось видеть записку, хотя самого Хому Прядко он встречал очень часто и знал его хорошо. По тону и характеру рассказа выходило так, будто царь вошел в известного рода соглашение с Хомой, некоторым образом вступил в тайный союз, в знак чего и дал ему половину разорванной записки, оставив другую половину у себя. Впоследствии, очевидно (рассказчик этого не говорил, но это само собой разумелось), когда наступило бы время открыто выступить с делом, половина записки, бывшая у Хомы, послужила бы доказательством того, что все, что говорил и делал Хома, говорил и делал по желанию самого царя. Этот тайный союз Хомы с царем (иначе я его назвать не могу) направлен был, конечно, против враждебных крестьянскому миру чиновников, начиная от министров и кончая мировыми посредниками и волостными писарями» [6, с. 254–255].

Есть и третий вариант того же сюжета, сообщенный анонимным корреспондентом революционной газеты «Начало», предположительно народником Н.К. Бухом: «По прибытии в столицу Ф.Прядко написал три прошения на имя царя. Одно подал через военного министра, другое прямо на Высочайшее имя и третье через принца Ольденбургского. Первые два не достигли своего назначения. Принц же лично принял от него прошение и, выдав расписку в получении, обещал доставить царю. При этом принц Ольденбургский разрешил записку пополам и одну половину дал ему (в подтверждение Фома показывал своим землякам какую-то бумагу с печатью), а другую оставил у себя, чтобы представить вместе с прошением царю. Далее автор излагает следующую версию событий: "В назначенный день Фома захватив с собой расписку, данную ему принцем Ольденбургским, отправился во дворец. Царь принял его ласково, напоил чаем, долго расспрашивал о жите-бытье крестьянском и сетовал, что не может помочь их горю, так как паны сильны и не допускают его сделать что-либо для них. В конце-концов Фома советовал крестьянам от имени государя, силой добиваться раздела земель и общинного землевладения"» [22, с. 192].

Легко заметить, что в структуре легенд (в любом из вариантов) царь выполняет отстраненно-пассивную роль, присутствует в качестве объекта, а не субъекта действий. Крестьяне во главе с Фомой сами отстаивают собственные права на справедливое распределение земельной собственности и повинностей. Поддержка монарха им требуется для морального оправдания и осознания законности своего протеста против государевых «изменников» — чиновников, панов и попов. Иными словами, они нуждались в санкции царя с тем, чтобы дальше действовать самостоятельно, но от его имени, что, несомненно, говорит об укорененности царистской психологии чигиринцев. Я.В. Стефанович верно заметил, что даже арест крестьянских ходатаев был истолкован в промонархическом ключе: «Это еще более укрепило убеждение, что чиновники представляют царю ложные сведения о цветущем будто бы положении крестьян и оберегают его от непосредственных сношений с последними» [25, с. 142-143].

В конце концов, выданный нанятыми за деньги агентами полиции, Ф.Д. Прядко был арестован в ноябре 1875 г. Ради обещанных 100 рублей предателю Дементию Сагуну удалось заманить его под кощунственным предложением «почитать псалтырь над больным ребенком». После ареста волостной старшина, «опасаясь оставить его в Ломоватской волости, отвез в соседнюю Худяковскую волость», откуда становой пристав, «взяв Прядку, под личным своим наблюдением, в тот же день препроводил в г. Черкассы» [30, с. 181, 182]. Однако будущие организаторы «Чигиринского заговора» почему-то решили, что Ф.Д. Прядко содержится в Чигиринской тюремной избе.

В тот момент, после провала «хождения в народ», группа революционеров искала возможность установить контакты с кем-нибудь из лидеров чигиринского движения, чтобы организовать на юге страны настоящие массовые беспорядки и подготовить народный бунт. Масштаб личности крестьянского вожака превращал его в заманчивую креатуру, в потенциального проводника революционных идей. «Ввиду той славы, что он заслужил у душевиков, его освобождение, казалось нам, сыграло бы не абы какую роль», — вспоминал один из «южных бунтарей» Л.Г. Дейч. — «Я взялся вызволить из тюрьмы Хому Прядку», для чего поехал в уездный центр «на разведку, не имея еще ни одного плана» [27, с. 21]. Отсутствие должной подготовки закономерно обрекло и без того авантюрное начинание на провал. Сразу по приезду в незнакомый ему Чигирин, находившийся на нелегальном положении Л.Г. Дейч «вызвал подозрение еврея-хозяина постоялого двора». По прошествии двух дней «в этом глухом и чрезвычайно неприветливом городе» подпольщику каким-то образом якобы удалось «узнать, что незадолго до того Хому Прядку со всяческими предосторожностями перевезли в Киев», откуда организовать его побег уже «было невозможно» [27, с. 21].

В результате, Киевской соединенной палатой уголовного и гражданского суда Ф.Д. Прядко, решительно отрицавший вину, сначала был приговорен к отдаче «в арестантские роты на два с половиной года», а затем 17 июня 1877 г. признан виновным «по совокупности преступлений, по обвинению его в беспорядках, произведенных некоторыми государственными крестьянами Чигиринского уезда в 1875 году, а также и по обвинению его в сопротивлении законным властям и нанесении побоев» старосте Гавриленко «за то, что последний не дал книги, в которую записывались общественные приговоры». В силу чего беспорядки приобрели «характер восстания против волостного правления» [30, с. 228, 230]. Составители био-библиографического словаря революционных деятелей утверждали, что ссылку Ф.Д. Прядко отбывал в Иркутской губернии, в 1886 г. «подал прошение на высочайшее имя о помиловании и о дозволении вернуться на родину. По высочайшему повелению 15 мая 1886 г. восстановлен в некоторых правах с дозволением повсеместного проживания» [8, ст. 1285].

Казалось бы, нет серьезных резонов сомневаться в приведенных данных, они рисуют вполне типовую для той эпохи подневольную «карьеру» человека из низов, будто под копиру повторенную другими чигиринскими вожаками Е.А. Олейником, И.И. Писковым,

К.И. Прудким, Л.А. Тенеником. Тем не менее, целенаправленный поиск информации в Государственных архивах Иркутской и Томской областей неожиданно дал отрицательные результаты. В архивных делах не удалось найти ни одного упоминания Ф.Д. Прядко, тогда как имена остальных ссыльных чигиринцев в документах встречаются неоднократно. Между тем, в Иркутской губернии Ф.Д. Прядко, вроде бы, провел почти десять лет, а через Томск неизбежно должен был следовать по пути в Восточную Сибирь и обратно. Не встретилась его фамилия и в Государственном архиве города Тобольска, миновать который он также не имел возможности, ибо другого этапного маршрута тогда не существовало. Умолчания источников говорят о том, что последние страницы жизнеописания героя чигиринских легенд оставляют еще много вопросов, требующих дальнейших ответов и уточнений.

Принципиально иной характер носят уступающие по объему исторические воспоминания о Л.А. Тененике и С.К. Шутенко. В сравнении с Ф.Д. Прядко их реальные биографии известны намного лучше, они были тщательно изучены и доведены до читателей в нескольких опубликованных статьях [12, с. 251-258; 14, с. 7-17; 16, с. 1321-1334]. Подобные продуктивные результаты стали возможными, так как подробные факты об их деятельности в период чигиринских волнений и последующих наказаниях отложились в фондах российских архивов Москвы, Тобольска, Томска, Красноярска, Иркутска [1, л. 4-11об; 3, л. 261-263об, 265-265об и др.]. Но интересующая нас в свете решаемой задачи информация в архивах отсутствует, и сохранилась прямыми потомками этих двух крестьянских активистов в виде семейных преданий.

Член союза краеведов России Наталья Николаевна Орленко поделилась со мной сведениями, в которых правда прихотливо перемешалась с вымыслом, что среди ее родственников десятилетиями передаются известия, как их предок-революционер Л.А. Тененик пошел против царя, за что потом был сослан в Сибирь. Остается лишь удивляться капризам исторической памяти, предполагая, что рассказы вернувшегося из сибирской ссылки чигиринца (по убеждениям — православного монархиста) о «приключениях» на чужбине [14, с. 11-14], именно так переосмыслились и отложились в сознании его детей, внуков и правнуков, живших в эпоху двух мировых войн и великих революционных потрясений XX столетия.

О том, что подобные перетолкования едва ли случайны, свидетельствуют также семейные предания о С.К. Шутенко, записанные в 1997 г. у него на родине в селе Погорельцы [32]. Хотя в данном случае можно бы сделать определенные реверансы в сторону его гипотетической революционности. Изучив долгую историю борьбы этого чигиринского вольнодумца за крестьянскую правду (вплоть до середины 1890-х гг.), отчасти готов согласиться, что С.К. Шутенко, в принципе, подпадает в разряд тех, о ком историк Д.П. Пойда написал: «Многие участники "Тайных дружин" и вообще событий 70-х годов в Чигиринском уезде до конца своей жизни были агитаторами и пропагандистами революционных идей среди крестьянства, передавая их потомству. Документы свидетельствуют о том, что именно активные участники чигиринских событий 1870-1877 гг. и впредь выступали против социального гнета в пореформенном селе Украины» [19, с. 230]. Допуская излишнюю заостренность мнения ученого, тем не менее, замечу, что предания семьи Шутенко точно с ним согласуются.

Информатором выступила Мария Григорьевна Шутенко, судя по всему, внучка нашего героя. В полном соответствии с фактами она заявила, что подельником деда «был еще кто-то из с. Мордвы, да только я не знаю». Этот таинственный незнакомец, скорее всего, Феодосий Анисимович Чепурный, вместе с которым С.К. Шутенко не раз сидел по тюрьмам и отбывал ссылку [16, с. 1326-1328]. Кроме того, соответствуют действительности приведенные рассказчицей данные, как после возвращения из сибирской неволи «в Кировоград — Елисаветград его сослали, чтобы он здесь не жил в селе» [32].

Дальнейшие же события известны только в изложении М.Г. Шутенко, но не находят подтверждения в архивных источниках. Дескать, «там, в Кировограде» дед «с господином познакомился, и там они вот действовали», занимаясь явно антиправительственными делами, поскольку опасались преследования правоохранителей. «Потом прислали сюда к отцу одного (человека) и листовок мешок, чтобы распространили. То они тогда поехали на плавни и, говорит, те листовки в каждый двор вбрасывали. Только переехали паромом, а тут и жандармы. Хорошо, не поймали. Это было в Боровице. А потом приехал второй раз с листовками. Дед послал моего батьку, чтобы он отвез его на станцию в Александровку. «А я, — говорит отец, — запряг коня, да и везу. Я впереди, а он сзади сидит. Я еду — не оглядываюсь. А он едет и листовки — туда-сюда, туда-сюда» [32].

Принципиальную важность имеет сообщение М.Г. Шутенко о месте захоронения деда, которое заставляет задумываться о причине выбора места упокоения: «Каким образом он сюда попал, я уж не знаю, но умер он точно здесь, потому что здесь и похоронен на кладбище. Только похоронили там, где висельников хоронили, да утопленников. Так он в углу. Заросло» [32]. Возможно, это как-то связано со штундизмом, ревнителем и апологетом которого он оставался на протяжении нескольких десятилетий жизни, неоднократно подвергаясь гонениям властей за приверженность неортодоксальной вере.

ВЫВОДЫ. Проведенное исследование выявило наличие в Чигиринском уезде двух типов легенд и преданий, связанных с крестьянскими волнениями 1870-х гг. Было показано, что легенды о Ф.Д. Прядко генетически восходят к героическому эпосу запорожской вольницы, но отличаются от него меньшей глубиной воплощения и насыщенности сюжетными линиями. Тем не менее, они продолжают смысловый ряд сказаний о народных заступниках. Отражая традиционную православно-монархическую «картину мира» участников чигиринских событий, легенды приписывают Ф.Д. Прядко соответствующие черты и достоинства, утверждают, что его дарование от Бога. Не сомневаясь в поддержке Всевышнего и его помазанника царя, чигиринцы выстраивали поведенческую модель народного протеста в борьбе за социальную Правду.

Второй тип легенд дошел до нас в виде семейных преданий, когда на трактовку биографий Л.А. Тененика и С.К. Шутенко, несомненно, повлияли исторические события XX столетия, в свете которых их участие в крестьянском движении 1870-х гг. было интерпретировано потомками как прямое доказательство активной борьбы против царя и царизма.

ЛИТЕРАТУРА

1. ГАРФ (Государственный архив Российской Федерации). Ф. 102. Оп. 79 (3-е делопроизводство, 1883 г.). Д. 1269.
2. ГАР Ф. Ф. 109 (3-я экспедиция, 1877 г.). Д. 262. Ч. 1.
3. ГАР Ф. Ф. 112. Оп. 1. Д. 477.
4. Громыко М.М. Мир русской деревни. М.: Молодая гвардия, 1991. 446 [2] с.
5. Дебогорий-Мокриевич В.Д. Воспоминания. СПб.: Свободный труд, 1906. 600 с.
6. Дебогорий-Мокриевич В.Д. От бунтарства к терроризму. М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. Т. 1. 421 с.
7. Дейч Л.Г. За полвека. М.: Задруга, 1922. Т. 1. Ч. 2. 127 с.
8. Деятели революционного движения в России: Био-библиографический словарь. Т. 2: Семидесятые годы. Вып. 3: М — Р. М.: Изд-во Всес. общ-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. 1384 ст.
9. Дубинин Б.В., Толстых А.В. Слухи как социально-психологический феномен // Вопросы психологии. 1993. № 3. С. 77–81.
10. Егоров А.К. Слухи как объект исторического исследования // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. Т. 2. № 3. С. 7–10.
11. Канивец В.В. Кармалюк. М.: Молодая гвардия, 1965. 208 с.

12. Мауль В.Я. Березовский узник Лазарь Тененик (новые данные о биографии Чигиринского вожака) // Тюменская область: историческая ретроспектива, реалии настоящего, контуры будущего: сб. статей международной научной конференции. Тюмень: ТИУ, 2019. С. 251–258.
13. Мауль В.Я. В цепи Великих реформ: казенная деревня на переломе (Чигиринский уезд, Киевская губерния) // Вестник Рязанского государственного университета. 2021. № 2. С. 56–68.
14. Мауль В.Я. Лазарь Тененик на воле и в неволе (судьба крестьянского вожака «Чигиринского заговора») // Вестник Рязанского государственного университета. 2017. № 1 (54). С. 7–17.
15. Мауль В.Я. Судьба казенных крестьян: ход и итоги великой реформы (Чигиринский уезд Киевской губернии) // Проблемы аграрной истории России: материалы IV всероссийской научной конференции (памяти профессора В.М. Вазинского), посвященной 160-летию крестьянской реформы в России. Липецк: Изд-во ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2021. С. 51–61.
16. Мауль В.Я. Чигиринские вольнодумцы в поисках крестьянской правды // Quaestio Rossica. 2020. Т. 8. № 4. С. 1321–1334.
17. Минх А.Н. Разбои и клады Низового Поволжья. Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. академии, 2021. 336 с.
18. Побережников И.В. Типы слухов в традиционном обществе (восточные регионы России в XVIII–XIX вв. // Слухи в России XIX–XX веков. Неофициальная коммуникация и «крутые повороты» российской истории. Сб. ст. Челябинск: Каменный пояс, 2011. С. 169–183.
19. Пойда Д.П. Крестьянское движение на Правобережной Украине в пореформенный период (1866–1900 гг.). Днепропетровск: Днепропетровское областное изд-во, 1960. 488 с.
20. Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 3: Кр — Пе. М.: Международные отношения, 2004. 695 с.
21. Славянские древности: этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 4: Пе — Си. М.: Международные отношения., 2009. 651 с.
22. Терехова С.А. Из истории аграрного движения в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в.: крестьянский вожак Ф.Д. Прядко // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2013. Ч. II. С. 191–193.
23. Терехова С.А. К вопросу об истоках «Чигиринского заговора»: крестьянское движение в Чигиринском уезде Киевской губернии в начале 70-х гг. XIX в. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (25). С. 94–99.
24. Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. Сб. ст. М.: ОГИ, 2005. 272 с.
25. Я.С. Чигиринское дело. Крестьянское общество «Тайная дружина» (Опыт революционно-народной организации) // Памятники агитационной литературы. Т. 1: Черный передел. Орган социалистов-федералистов. 1880–1881 г. М.; Пг.: Госиздат, 1923. С. 141–165, 199–214.
26. Бовуа Д. Битва за землю в Україні 1863–1914: Поляки в соціо-етнічних конфліктах. Київ: Критика, 1998. 335 с.
27. Дейч Л.Г. Чигиринська справа. Харків: Видавництво «Шляхи революції», 1929. 39 с.
28. Крижановська О.О. Соціальні настрої та уявлення селян Правобережної України у 20–50-х рр. XIX ст. // Український історичний журнал. 2007. № 2. С. 130–142.
29. Лещенко М.Н. Класова боротьба в українському селі в епоху монополістичного капіталізму (60–90 рр. XIX ст.). Київ: Наукова думка, 1970. 304 с.
30. Матеріали до історії селянських революційних рухів на Чигиринщині (1875–1879 р.р.) / за ред. К.Гребенкіна. Харків: Видання Центрального архівного управління УСРР, 1934. 440 с.
31. Солодар О.І. Епоха змов (до історії селянських рухів на Чигиринщині в XIX на початку XX століть). URL: http://unknownwar.info/———_503/ (дата обращения: 10.05.2023).
32. Солодар О.І. Як селяни проти царя змовлялися... URL: <https://www.facebook.com/profile/100000322587774/search?q=%D0%A8%D1%83%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE> (дата обращения: 12.04.2023).

33. Чухліб Т.В. Козаки і Монархи. Міжнародні відносини ранньомодерної Української держави 1648–1721 рр. Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 2009. 616 с.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii [State Archive of the Russian Federation] (SARF). Fond 102. Inv. 79 (3-e deloproizvodstvo, 1883). Case 1269. (In Russian).
2. SARF. Fond 109 (3rd expedition, 1877). Case 262. Part 1. (In Russian).
3. SARF. Fond 112. Inv. 1. Case 477. (In Russian).
4. Gromyko M.M. *Mir russoj derevni* [The world of the Russian village]. M.: Molodaya gvardiya, 1991. 446 [2] s. (In Russian).
5. Debogorij-Mokrievich V.D. *Vospominaniya* [Memories]. SPb.: Svobodnyj trud, 1906. 600 s. (In Russian).
6. Debogorij-Mokrievich V.D. *Ot buntarstva k terrorizmu* [From rebellion to terrorism]. M.; L.: Molodaya gvardiya, 1930. T. 1. 421 s. (In Russian).
7. Dejch L.G. *Za polveka* [For half a century]. M.: Zadruga, 1922. T. 1. Ch. 2. 127 s. (In Russian).
8. *Deyateli revolyucionnogo dvizheniya v Rossii: Bio-bibliograficheskij slovar'* [Leaders of the revolutionary movement in Russia: Bio-bibliographic dictionary]. T. 2: Semidesyatyje gody. Vyp. 3: M — R. M.: Izd-vo Vses. obshch-va polit. katorzhan i ssyl'no-poselencev, 1931. 1384 st. (In Russian).
9. Dubinin B.V., Tolstyh A.V. *Sluhi kak social'no-psihologicheskij fenomen* [Rumors as a socio-psychological phenomenon] // *Voprosy psihologii*. 1993. № 3. S. 77–81. (In Russian).
10. Egorov A.K. *Sluhi kak ob'ekt istoricheskogo issledovaniya* [Rumors as an object of historical research] // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015. T. 2. № 3. S. 7–10. (In Russian).
11. Kanivec V.V. *Karmalyuk* [Karmalyuk]. M.: Molodaya gvardiya, 1965. 208 s. (In Russian).
12. Maul' V.Ya. *Berezovskij uznik Lazar' Tenenik (novye dannye o biografii Chigirinskogo vozhdaka)* [Berezov's prisoner Lazar Tenenik (new data on the biography of the Chigirinsky leader)] // *Tyumenskaya oblast': istoricheskaya retrospektiva, realii nastoyashchego, kontury budushchego: sb. statej mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Tyumen': TIU, 2019. S. 251–258. (In Russian).
13. Maul' V.Ya. *V cepi Velikih reform: kazennaya derevnya na perelome (Chigirinskij uezd, Kievskaya guberniya)* [In the chain of Great reforms: the state village at the turning point (Chigirin district, Kiev province)] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2021. № 2. S. 56–68. (In Russian).
14. Maul' V.Ya. *Lazar' Tenenik na vole i v nevole (sud'ba krest'yanskogo vozhdaka «Chigirinskogo zagovora»)* [Lazar Tenenik in freedom and in captivity (the fate of the peasant leader of the "Chigirinsky conspiracy")] // *Vestnik Ryazanskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2017. № 1 (54). S. 7–17. (In Russian).
15. Maul' V.Ya. *Sud'ba kazennyh krest'yan: hod i itogi velikoj reformy (Chigirinskij uezd Kievskoj gubernii)* [The fate of state-owned peasants: the course and results of the great reform (Chigirin district of Kiev province)] // *Problemy agrarnoj istorii Rossii: materialy IV vserossijskoj nauchnoj konferencii (pamyati professora V.M. Vazhinskogo), posvyashchennoj 160-letiyu krest'yanskoj reformy v Rossii*. Lipeck: Izd-vo LGPU im. P.P. Semenova-Tyan-Shanskogo, 2021. S. 51–61. (In Russian).
16. Maul' V.Ya. *Chigirinskie vol'nodumcy v poiskah krest'yanskoj pravdy* [Chigirin's freethinkers in search of peasant truth] // *Quaestio Rossica*. 2020. T. 8. № 4. S. 1321–1334. (In Russian).
17. Minh A.N. *Razboi i klady Nizovogo Povolzh'ya* [Robberies and treasures of the Lower Volga region]. Saratov: Izd-vo Sarat. gos. yurid. akademii, 2021. 336 s. (In Russian).
18. Poberezhnikov I.V. *Tipy sluhov v tradicionnom obshchestve (vostochnye regiony Rossii v XVIII-XIX vv.)* [Types of rumors in traditional society (eastern regions of Russia in the XVIII-XIX centuries.)] // *Sluhi v Rossii XIX-XX vekov. Neoficial'naya kommunikaciya i «krutye povoroty» rossijskoj istorii*. Sb. st. Chelyabinsk: Kamennyj poyas, 2011. S. 169–183. (In Russian).
19. Pojda D.P. *Krest'yanskoe dvizhenie na Pravoberezhnoj Ukraine v poreformennyj period (1866–1900 gg.)* [Peasant movement in Right-Bank Ukraine in the post-Reform period (1866–1900)]. Dnepropetrovsk: Dnepropetrovskoe oblastnoe izd-vo, 1960. 488 s. (In Russian).
20. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskij slovar'* [Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary] / Pod red. N.I. Tolstogo. T. 3: Kr — Pe. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. 695 s. (In Russian).

21. *Slavyanskie drevnosti: etnolingvističeskij slovar'* [Slavic Antiquities: an ethnolinguistic dictionary] / Pod red. N.I. Tolstogo. T. 4: Pe — Si. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya., 2009. 651 s. (In Russian).
22. *Terekhova S.A. Iz istorii agrarnogo dvizheniya v Chigirinskom uezde Kievskoj gubernii v nachale 70-h gg. XIX v.: krest'yanskij vozhak F.D. Pryadko* [From the history of the agrarian movement in the Chigirinsky district of the Kiev province in the early 70s of the XIX century: peasant leader F.D. Pryadko] // Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy: Materialy II Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj konferencii. Nizhnevartovsk: Izd-vo Nizhnevart. gos. un-ta, 2013. Ch. II. S. 191–193. (In Russian).
23. *Terekhova S.A. K voprosu ob istokah «Chigirinskogo zagovora»: krest'yanskoe dvizhenie v Chigirinskom uezde Kievskoj gubernii v nachale 70-h gg. XIX v.* [On the question of the origins of the "Chigirinsky conspiracy": the peasant movement in the Chigirinsky district of the Kiev province in the early 70s of the XIX century.] // Vestnik Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta. 2013. № 4 (25). S. 94–99. (In Russian).
24. *Chistov K.V. Fol'klor. Tekst. Tradiciya* [Folklore. Text. Tradition]. Sb. st. M.: OGI, 2005. 272 s. (In Russian).
25. *Ya.S. Chigirinskoe delo. Krest'yanskoe obshchestvo «Tajnaia družina» (Opyt revolyucionno-narodnoj organizacii)* [The Chigirin affair. Peasant society "Secret Squad" (The experience of the revolutionary people's organization)] // Pamyatniki agitacionnoj literatury. T. 1: Chernyj peredel. Organ socialistov-federalistov. 1880–1881 g. M.; Pg.: Gosizdat, 1923. S. 141–165, 199–214. (In Russian).
26. *Bovua D. Bitva za zemlyu v Ukraïni 1863–1914: Polyaki v socio-etnichnih konfliktah* [Battle for land in Ukraine 1863–1914: Poles in socio-ethnic conflicts]. Kiïv: Kritika, 1998. 335 s. (In Ukrainian).
27. *Dejch L.G. Chigirins'ka sprava* [Chigirinskaya case]. Harkiv: Vidavnytvo «Shlyahi revolyucii», 1929. 39 s. (In Ukrainian).
28. *Krizhanovs'ka O.O. Social'ni nastroi ta uyavlennya selyan Pravoberezhnoï Ukraïni u 20–50-h pp. XIX st.* [Social moods and representations of the peasants of Right-Bank Ukraine in the 20–50s pp. XIX century] // Ukraïns'kij istorichnij zhurnal. 2007. № 2. C. 130–142. (In Ukrainian).
29. *Leshchenko M.N. Klasova borot'ba v Ukraïns'komu seli v epohu domonopolistichnogo kapitalizmu (60–90 pp. XIX st.)* [Class struggle in the Ukrainian countryside in the era of pre-monopoly capitalism (60–90 pp. XIX century)]. Kiïv: Naukova dumka, 1970. 304 s. (In Ukrainian).
30. *Materiali do istorii selyan'skih revolyucijnih ruhiv na Chigirinshchini (1875–1879 r.r.)* [Materials on the history of peasant revolutionary movements in the Chigirin region (1875–1879)] / za red. K. Grebenkina. Harkiv: Vidannya Central'nogo arhivnogo upravlinnya USRR, 1934. 440 s. (In Ukrainian).
31. *Solodar O.I. Epoha zmov (do istorii selyan'skih ruhiv na Chigirinshchini v IIIH na pochatku HH stolit')* [The era of conspiracies (to the history of peasant movements in the Chigirin region in the XIX-early XX centuries)]. URL: http://unknownwar.info/-----_503/ (data obrashcheniya: 10.05.2023). (In Ukrainian).
32. *Solodar O.I. Yak selyani proti carya zmovlyalisya...* [How the peasants conspired against the Tsar...] URL: <https://www.facebook.com/profile/100000322587774/search/?q=%D0%A8%D1%83%D1%82%D0%B5%D0%BD%D0%BA%D0%BE> (data obrashcheniya: 12.04.2023). (In Ukrainian).
33. *Chuhlib T.V. Kozaki i Monarhi. Mizhnarodni vidnosini rann'omodernoï Ukraïns'koï derzhavi 1648–1721 rr.* [Cossacks and Monarchs. International relations of the early modern Ukrainian state of 1648–1721]. Kiïv: Vidavnytvo imeni Oleni Teligi, 2009. 61